

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. О. Шмидт. Воспоминания и размышления о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве</i>	6
От составителей	12
Раздел I. Из переписки Д. С. Лихачева с учеными и деятелями культуры. 25 ноября 1938 г. — 29 декабря 1998 г.	19
Раздел II. Переписка Д. С. Лихачева и А. Л. Гришунина. 4 января 1963 г. — 30 сентября 1999 г.	749
Раздел III. Письма и обращения Д. С. Лихачева по общественным вопросам. 9 января 1975 г. — 9 августа 1999 г.	919
Список сокращений	969
Список архивных фондов, документы из которых включены в сборник	974
Список изданий, неоднократно встречающихся в сборнике	977
Список адресатов и корреспондентов Д. С. Лихачева	981
Хронологический указатель писем, включенных в сборник	983
Указатель имен	1004

Воспоминания и размышления о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве

Дмитрий Сергеевич Лихачев одарил меня своим добрым расположением, искренним отношением, и я очень рад, что имел возможность общаться с ним, ощущать его редкостное обаяние. Мы были знакомы сначала внешне, а наше личное знакомство произошло совершенно случайно. В канун 70-летия, когда он был в опале, «невъездной», когда при массовом награждении к 250-летию Академии наук он был чуть ли не единственным академиком, которого не наградили, только две газеты откликнулись на его юбилей. И вот «Комсомолка» заказала мне статью о Лихачеве. Я ее написал. Он, конечно, не ожидал этого и был растроган. После этого он сказал как-то, что был бы рад встретиться, и я, конечно, обрадовался этому. Мы встретились в Ленинграде, потом в Москве и в подмосковном санатории Академии наук «Узкое», много гуляли. А потом случилось так, что он заболел, заболел тяжело и оказался в академической больнице. И я навещал его каждый день. Там Дмитрий Сергеевич стал на мне проверять свои готовящиеся воспоминания. Позже, когда возник Фонд культуры, мы регулярно встречались уже в Москве, гуляли по арбатским переулкам. Иногда садились вместе на каких-то конференциях, и я понимал, что служу своего рода защитой от просителей, потому что его постоянно одолевали, в лучшем случае автографами, а то и просьбами помочь в чем-либо.

Кажется, совсем недавно в Санкт-Петербурге в Конногвардейском манеже проходила книжная ярмарка. В рамках ее программы состоялось заседание, посвященное 275-летию типографии Российской Академии наук. В нем принимал участие академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Я тоже был приглашен. Он вспоминал, как начал работу в Академии наук корректором и редактором издательства после Соловков. Вспоминал с особой теплотой, может быть, еще и потому, что там познакомился с будущей женой Зинаидой Александровной, с которой прожил душа в душу до конца своих дней.

В моей домашней библиотеке замечательные труды Дмитрия Сергеевича занимают целую полку. И почти все книги украшают дарственные автографы. Вот очень дорогая для меня книга «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов» (М.: Искусство, 1980). На форзаце надпись: «Дорогому Сигурду Оттовичу Шмидту дружески. Д. Лихачев. 5.11.81». Автограф сделан в виде геометрической композиции. Но и это не все. Дмитрий Сергеевич вклеил свою зэксовскую фотокарточку времен соловецкого заключения. Или вот еще книга «Русское искусство от древности до авангарда» (М.: Искусство, 1992). И тут ее тоже украшает художественно выполненный дарственный автограф. О чем это говорит? О том, что Дмитрий Сергеевич обладал не только литературным, но и художественным даром.

Уже тогда я отметил, как Дмитрий Сергеевич в любых условиях находит возможность получать новые впечатления от общения и с людьми, и с природой. Его размышления о соотношении природы и культуры, о путешествиях часто были навеяны такими впечатлениями. Это показывает, как человек такого масштаба продолжал все время подпитывать сам себя, обогащаясь природными впечатлениями, которые для него были не менее важны, чем результат культурной деятельности. Восхитительна его способность свежего восприятия людей, особо заинтересованного и доброго отношения к новым знакомым. Это выражалось и в его дарственных надписях — зачастую с рисунками — на книгах и оттисках статей (такие «маргиналии» его стали уже темой научных докладов). В Доме-музее Булата Окуджавы в Переделкине на книге о садово-парковых стилях «Поэзия садов» такая надпись: «Дорогому Булату Шалвовичу Окуджаве — самому замечательному, самому любимому, самому благородному на добрую память о незабываемой встрече в Стокгольме». В Стокгольме они были приглашены Нобелевским комитетом, необычайно понравились друг другу, о чем оба говорили впоследствии.

Кроме того, он обладал даром свежего прочтения известного, раскрывал в своих работах новые стороны творчества Пушкина, Жуковского, Достоевского. И потом, он сам был настолько масштабен и настолько ориентировался в пространствах и хронологии, что свободно мог представить себя, например, в Царском Селе, когда там был Царскосельский лицей. Это был необычайно даровитый человек, и в глубокой старости очень любознательный и способный к новым открытиям — и в науке, и в окружающих его людях, и в природе.

Многогранная деятельность Д. С. Лихачева утверждала значение личности ученого в общественной жизни. В нем счастливо совмещались крупнейший исследователь очень широкого спектра научных интересов от Средневековья до современности, организатор науки, создатель научной школы и просветитель, мастер слова, публицист, чутко и сочувливо выражающий общественные настроения. Именно трудами Д. С. Лихачева, переведенными на многие языки и не раз переиздававшимися, в значительной мере определяются современные

представления о развитии древнерусской литературы, ее взаимосвязях с общественно-политической мыслью и искусством той поры, о воздействии наследия Древней Руси на культуру последующих столетий. Ученому-специалисту исследования Д. С. Лихачева представляются высоким образцом эвристической деятельности в сфере гуманитарных наук.

Всегда восхищает в нем редкая способность в своих исследованиях касаться обширного круга тем. И когда он пишет о человеке в Древней Руси, о поэзии садов, о взаимосвязи литературы и изобразительного искусства, все это оказывается необходимым специалистам и в то же время — увлекательным и интересным — широкому читателю. Такое органическое сочетание глубокого и эрудированного дара исследователя и просветителя — редкость. Не только в русской, но и в мировой культуре. Все время встают в памяти и заседания редколлегии «Литературных памятников», и беседы во время прогулок в санатории «Узкое», и в арбатских переулках, не говоря уже о том, что утрачены советы и поддержка нашего мудрого современника в деятельности руководимых мною Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России... В биографиях Жуковского и Лихачева заметно одно общее для них обстоятельство: оказавшись втянутыми в развитие собственно педагогической мысли, они оба имели широкое признание как знаменитые люди — поэт и ученый — и заслужили уже авторитет высокого человеческого достоинства. Всем было понятно, и во властных структурах, и в широком обществе, что это именно те мыслители, слову которых должно доверять, у кого можно учиться и само личное поведение которых, неиспользование приближенности к власти в личных целях внушало особое уважение.

Известно, что Д. С. Лихачев разгневался, когда в одной из статей к 90-летию ученого его роль в последние годы жизни определили как «роль наставника, учителя жизни», проповедника нравственного учения. Он не считал себя могущим исполнять роль проповедника и тем более казаться претендующим на такую роль. Но наставником, конечно, был. Понимая это, он начал свои «Письма о добром» такими словами: «Каждая беседа пожилого человека с молодыми оборачивается поучением. Положение всегда было таким и, вероятно, всегда таким и останется».

Д. С. Лихачев убежденно — на протяжении десятилетий — старался внушить представление о том, что в основе всего — нравственное начало, что этическое — в фундаменте вершинного в культуре, и значение эстетического (воплощаемого в памятниках художественной литературы и искусства) и того, что воплощается в созданном научной мыслью, во многом определяется степенью слияния с этическим. Нравственные представления, в русской культуре восходящие к написанному в Священном писании и усвоенному из патристики, для Д. С. Лихачева — и как ученого, и как человека — особо значительны в тех культурных традициях, непреходящее значение которых для жизни человека он неизменно старался показать в своих сочинениях и устных выступлениях.

Основательное понятие о вкладе Д. С. Лихачева в науку, о том, что особенно длительное время сохранится в ее фундаменте, что даст ростки новому или, напротив, не уцелеет с дальнейшим развитием научных представлений, сможет сложиться лишь через определенное время. Роль же его как «общественной личности» доступнее оценивать современникам, особенно тем, кто знает особенности времени и помнит черты ментальности тех десятилетий, когда Д. С. Лихачев жил. И самые крупные ученые, младшие современники его сочли своим долгом сейчас отметить именно это. Стоит привести характеризующие и «жизненный подвиг», и «человеческую суть» Д. С. Лихачева слова академика В. Н. Топорова, крупнейшего филолога широчайших исследовательских интересов, из статьи «Дмитрий Сергеевич Лихачев в контексте XX века». Статья глубоких мыслей, написанная ученым высокой нравственности, начинается так: «Оглядываясь назад и как бы проверяя великое наследие прошлого, не просто хранимое в закромах памяти мертвым грузом, но, напротив, такое, с которым постоянно и необходимо сверяется день нынешний, и поэтому живущее и действующее в настоящем, и смотря вперед в будущее с верой и доверием, он сам — и в этом, может быть, его главный жизненный подвиг — связывал это уже состоявшееся, но еще не исчерпанное в своем лучшем прошлое с подготавливаемым и выстраиваемым достойным будущим, обеспечивая преемственность традиции по обе стороны от настоящего». И далее о человеке, его поведении и его убеждении: «Скромный и сдержанный, исполненный чувством долга и ответственности, никак не политик, но знающий, что далеко не все зависит от нее, и что пространство, где политика встречается с более высокими духовными ценностями, теряет свою „злую“ силу, чуждый всякой преувеличенности, он шел своим особым подвижническим путем, зная о цене этого противостояния, о грозящих ему опасностях и претерпевая преследования и угрозы еще худшего». Его ресурсами были совесть, честь, человечность и негромкий голос, как раз и напоминавший о человеке и человеческом. Кажется, что для Дмитрия Сергеевича зло не имело онтологической природы. Возможно, он хорошо знал, что бытийственно только добро, что именно оно обладает высшей степенью подлинности, что сам человек по замыслу добр и открыт добру, и от него самого (к сожалению, не только от него, но и от зла, царящего в мире и извращающего эту добрую в своих возможностях природу человека) зависит, станет ли он таковым. И Дмитрий Сергеевич среди зла, распада и смрада тогдашней жизни учил добру и даже не столько учил (тем более — не поучал), сколько внятно говорил о нем, раскрывая его полноту, глубину, если угодно, естественность и пути достижения его. Этого добра силы зла боялись, кажется, не меньше, если не больше, чем их собственного обличения. Впрочем, служение добру, проповедь его среди все расширяющейся порчи, может быть, и есть если не кратчайший, то наиболее целесообразный путь обличения зла в сосредоточении на силу и красоту добра. Возможно, что и «педагогически»

это весьма сильный ход: люди начинают сравнивать то и другое, и задача выбора между тем и другим приобретает особую актуальность и становится как бы собственным, личным открытием, никем не подсказанным, но свободным и добровольным, самостоятельно усвоенным себе новым опытом.

Д. С. Лихачев бывал и субъективен в суждениях, даже не всегда достаточно компетентен, отнюдь не безразлично и беспамятно относился к оценкам его личности и им содеянного. И должно противостоять попыткам сделать из него икону. Но еще важнее не поддаваться воззрениям, свойственным тем, кого Д. С. Лихачев относил к «мещанству», особенно сравнительно молодым людям, не имеющим представлений о реальной жизни в «эпоху Лихачева» или желающим обратить внимание общества на себя хотя бы «обличением» знаменитости.

Возвеличивание с середины 1980-х годов Д. С. Лихачева высшими лицами государства, проведение при их содействии акций в сфере культуры и слова признательности, сказанные им по этому поводу, вызвали у стандартно мыслящих и по существу идеологически ангажированных людей попытки изобразить это как следствие прислужничества перед властью или деяниями, инспирированными этой властью.

Академик С. С. Аверинцев счел в связи с этим необходимым напомнить об отношении Д. С. Лихачева к нему, высказывавшему мысли, не сходные с официозными, в этих трудных ситуациях, и сформулировать общие соображения о несостоятельности и примитивности подобных взглядов. Он повторил «неоднократно сказанное прежде, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича постоянную готовность помочь» в его «конфликтах с официозной идеологией; что готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной». И вслед за этим пишет: «Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности; и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному; и эти различия, из сегодняшнего для почти неуловимые, тогда решали всё». Д. С. Лихачев в этих условиях вел себя так, что С. С. Аверинцев знал — «единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это, — заключает С. С. Аверинцев, — наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж

так не опасно, не страшно, — почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, — почему на эту роль не нашлось больше охотников?»

Академик Н. Н. Покровский в начале статьи памяти Д. С. Лихачева приводит его шутку последних десятилетий жизни, «когда самые именитые сановники государства почитали за честь появиться на телеэкране рядом с ним и Зиной Александровной, что он теперь немалое время работает как фирма добрых услуг „Заря“, помогая множеству ученых и целым научным коллективам добиваться справедливости во властных структурах», — и приводит как раз примеры того, как Д. С. Лихачев «занимался этим и раньше, когда иные из подобных ходатайств были для него не столь уж безопасны».

Когда обсуждалась программа празднования 200-летия со дня рождения Пушкина, все в Юбилейном комитете были единодушны во мнении, что открывать торжественное заседание должно словом Д. С. Лихачева, тем более что он с 1983 г. был председателем Пушкинской комиссии Академии наук СССР. К весне 1999 г. Д. С. Лихачев уже начал заметно слабеть, трудно было ехать в Москву, тем более выступать перед такой большой аудиторией. Неуверенно произносили имена других виднейших деятелей современной культуры, сознавая, что они вне сравнения со знаковым именем Лихачева. И очень обрадовались, когда предложили попросить выступить Д. С. Лихачева перед телеэкраном — и празднование в Большом театре 6 июня 1999 г. началось с демонстрации (в цвете, во всю ширину огромного занавеса) Дмитрия Сергеевича, говорящего о Пушкине в своем кабинете в Пушкинском Доме, других выступлений не было — остальное время отвели для концерта.

Образ Дмитрия Сергеевича Лихачева остается в благодарной нашей памяти, а содеянное ученым и писателем — в фундаменте современной культуры. Хотелось бы, чтобы жизнь и творчество его воспринимались и как нравственные вершины. Д. С. Лихачев писал и говорил не раз, что XXI век будет веком гуманитарного знания, а Россия — страна великой гуманитарной и гуманистической культуры, и главным его устремлением было, чтобы и прошлое и настоящее служили Будущему.

*С. О. Шмидт,
академик Российской академии образования*

От составителей

Рукописное наследие Д. С. Лихачева, выдающегося отечественного просветителя XX века, крупнейшего специалиста в области древнерусской литературы, общественного деятеля, председателя правления СФК, имеет непреходящее значение. Год от года не ослабевает интерес к трудам и к личности самого ученого. Лихачев был поистине «народный академик»^а, сумевший удивительным образом сочетать научные исследования в области древнерусской литературы, текстологии, отечественной истории с широкой общественной деятельностью в области гуманитарной науки и культуры.

Монографии, статьи, очерки, эссе, воспоминания Лихачева широко публиковались при его жизни и переиздаются до сих пор. Между тем такая важная часть его творческого наследия, как переписка, остается неизвестной ни специалистам, ни тем более широкому читателю. Он был лично знаком и поддерживал дружеские и научные контакты с советскими и зарубежными учеными, писателями, музыкантами, художниками, государственными и общественными деятелями. Издание эпистолярного наследия Лихачева необходимо не только для изучения жизни и творчества ученого, но и для реконструкции и понимания научной и общественной жизни второй половины XX века.

Лихачев как специалист-филолог чрезвычайно высоко оценивал исследовательский потенциал эпистолярных источников Нового и Новейшего времени. По аналогии с серией «Литературные памятники» на рубеже 1970–1980-х годов он попытался начать новую академическую серию «Эпистолярная культура». Это начинание опережало эдиционную практику своего времени и поэтому не было поддержано академическим сообществом. Лихачев писал о своих нереализованных планах:

Я говорил на Общем собрании Отделения АН и на «ученом» совете ИРЛИ — надо начать серию «эпистолярная культура», в которой издавать письма как «маленькую

^а *Водолазкин Е.* Инструмент языка: О людях и словах: [эссе]. М., 2012. С. 133.

литературу», ибо большая литература обогащается «маленькой». Письма, которые писатель пишет, не думая и не переписывая их, — основа его больших, парадных писаний. Исследователь ведь всегда идет по черному ходу: он дворник и кухарка в литературе [...] Но серии «эпистолярная культура» не добился. А ведь она интересна и для древней русской литературы^а.

В данном контексте представляется чрезвычайно важным и правомерным с этической точки зрения изучение и введение в научный оборот эпистолярного наследия самого Лихачева. Хорошо понимая значение своего обширного архива, он еще при жизни начал передавать документы в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Проблемы сохранения и дальнейшего использования документов он обсуждал в переписке со своим младшим современником, текстологом, сотрудником ИМЛИ, членом редколлегии серии «Литературные памятники» А. Л. Гришуниним:

Я открыл свой фонд в Пушкинском Доме. Малая часть его описана, большая — будет разбираться невесть когда. Я на это и рассчитываю. Когда дело дойдет до моих писем, корреспондентов и вообще всех лиц, в письмах затронутых, не будет уже в живых. Не думаю, что у Вас будет иначе, и письма Ваши станут доступны Вашим неприятелям.

У меня переписка с Шкловским, Кавериним, Чуковским, Дорошем, Заболоцким, полно писем иностранных славистов [...]. Не думаю, чтобы все выбросили, хотя мусора предостаточно. После войны я ничего не уничтож[ал]^б.

Переписка из личного архивного фонда Д. С. Лихачева в РО ИРЛИ (Ф. 769) не была использована при подготовке сборника, поскольку еще не завершено научное описание фонда. Изучение и публикация его эпистолярной части — дело будущего. Работа по выявлению писем Лихачева вне его личного архивного фонда и других фондов РО ИРЛИ, прежде всего в архивных собраниях Москвы, началась в 2006 году — в год 100-летнего юбилея Дмитрия Сергеевича. Инициатором и идейным вдохновителем подготовки к изданию писем ученого был академик РАО, доктор исторических наук, председатель Археографической комиссии РАН, профессор РГГУ Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). В книге публикуются 60 писем Лихачева Шмидту, написанные в период с 1953 по 1998 год, и воспоминания Шмидта о Лихачеве.

Составители настоящего сборника предприняли попытку выявления, комплексного исследования и введения в научный оборот прежде всего той части переписки Лихачева, которая находится на государственном хранении

^а С. 488 наст. изд.

^б С. 908–909 наст. изд.

в фондах его корреспондентов, преимущественно москвичей — историков, археологов, литературоведов, лингвистов, фольклористов, писателей, переводчиков, актеров, художников и др. Выявление материалов проходило в архивохранилищах Москвы (РГАЛИ, Архиве РАН, Архиве Президента Российской Федерации, Музее МХАТ, ЦГА гор. Москвы, ОР РГБ, Архиве ДРЗ). Кроме того, в сборник включены письма из Государственного архива Владимирской области, Опочининской библиотеки (г. Мышкин Ярославской обл.), Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова (ст. Вешенская Ростовской обл.).

В фондах РГАЛИ были выявлены и отобраны для публикации письма Лихачева литературоведам А. А. Белкину, Б. А. Введенскому, А. Л. Гришунину, А. Л. Дымшицу, В. В. Жданову, И. С. Зильберштейну, В. Я. Кирпотину, С. Л. Львову, В. Н. Марковой, Р. М. Наппельбаум, В. Н. Орлову, С. А. Рейсеру, Н. Л. Степанову и его жене Л. К. Степановой, М. Б. Храпченко, Б. М. Эйхенбауму, фольклористам Д. М. Молдавскому и В. И. Чичерову, писателям В. П. Беляеву, С. П. Боброву, И. А. Новикову, А. А. Суркову, А. Т. Твардовскому, В. Т. Шаламову, В. Б. Шкловскому, художнице Т. А. Мавриной и др. Наиболее значительной по объему и содержанию частью сборника является переписка Д. С. Лихачева и литературоведа А. Л. Гришунина.

В фондах Архива РАН были выявлены письма Лихачева филологам А. И. Беличу, В. И. Борковскому, В. В. Виноградову, А. М. Еголину, М. Б. Козьмину, пушкинисту Д. Д. Благому, фольклористу П. Г. Богатыреву, историкам М. А. Алпатову, М. В. Нечкиной, М. Н. Тихомирову, Л. В. Черепнину, Н. В. Устюгову, В. И. Шункову, византинисту З. В. Удальцовой, японистам Н. И. и Нат. И. Конрад, археологу А. В. Арциховскому, в Археографическую комиссию АН СССР, в редакцию биографического словаря «Выдающиеся деятели нашей Родины».

В Музее МХАТ хранится переписка Лихачева с актером И. М. Кудрявцевым, который интересовался проблемами изучения «Слова о полку Игореве» и написал статью для ТОДРЛ. Публикацию писем Лихачева Кудрявцеву подготовила сотрудница Музея МХАТ Е. А. Шингарева, документы прокомментированы сотрудницами Отдела древнерусской литературы ИРЛИ И. М. Смирновой и Л. В. Соколовой.

В сборник также включены письма сотруднице Соловецкого музея С. В. Верещ, опубликованные в журнале «Наше наследие» и хранящиеся в настоящее время в ЦГА г. Москвы; письма к Г. А. Лебедевой и жителям г. Мышкина из собрания Опочининской библиотеки; письма к искусствоведу Н. Н. Ворониной из фондов ГАВО; письма в редколлегия биобиблиографического словаря «Славяноведение в СССР».

Выявление документов для сборника проводилось в Архиве Президента РФ и РГАНИ, а также в архивном фонде СФК, хранящемся в РГАЛИ (Ф. 3384). Всего для публикации был отобран 41 документ — письма и обращения

Лихачева, в том числе коллективные, в партийные и государственные органы, персонально к М. С. Горбачеву, Б. Н. Ельцину и некоторым другим общественным и государственным деятелям по вопросам развития и сохранения отечественной культуры (1975–1999).

Свои письма Дмитрий Сергеевич либо писал от руки (при этом часто извинялся за почерк), либо печатал их на машинке. При публикации способ воспроизведения оговаривается после архивного шифра.

В фондах некоторых корреспондентов Лихачева сохранились черновики писем к нему, включенные в настоящий сборник, в связи с чем эпистолярный в ряде случаев приобретает характер взаимной переписки (переписка с Н. К. Гудзием, Д. Д. Благим, В. И. Борковским, А. Л. Гришуниним и др.). Термин «переписка» употребляется и для эпистолярных комплексов, включающих наряду с письмами Лихачева хотя бы одно письмо или телеграмму / дарственную надпись его корреспондентов. В Музее МХАТ сохранились черновики практически всех писем Кудрявцева Лихачеву, однако из-за значительного объема опубликовать их полностью в рамках данного издания не представляется возможным, поэтому в сборник вошло только самое первое письмо Кудрявцева, положившее начало многолетнему диалогу актера и ученого; в остальных случаях публикуются только их фрагменты.

Вошедшие в сборник письма посвящены во многом научным вопросам. В них нашли отражение научные дискуссии, которые велись в свое время устно и на страницах периодических изданий (о проблемах текстологии, методологии изучения начального свода русских летописей и др.). Лихачев писал академику В. В. Виноградову о том, что всю жизнь участвовал в научных спорах: «Я люблю споры в науке»^а. Наибольшую остроту имели вопросы изучения «Слова о полку Игореве» (письма Н. К. Гудзию, И. М. Кудрявцеву, В. И. Шункову, В. В. Виноградову и др.), проблемы текстологии и работы международной и советской эдиционно-текстологических комиссий (переписка с А. Л. Гришуниним, В. И. Борковским, письма к В. С. Нечаевой и др.).

Несколько десятилетий своей жизни ученый посвятил фундаментальной книжной серии «Литературные памятники», встречая в работе много препятствий (см. переписку с А. Л. Гришуниним, письма Н. И. Конраду). Для пользы дела он вынужден был не раз искать компромиссы и идти на уступки. Об этом читаем в одном из писем блоковеду В. Н. Орлову:

[...] я как председатель серии часто становлюсь жертвой разного рода хамства и не ухожу из председателей, так как хочу, чтобы дело продолжалось и чтобы хоть что-то интересное выходило. Приходится прятать самолюбие в карман. Хоть я и председатель, но разные согласования происходят в Москве, и московские

^а С. 445 наст. изд.

члены редколлегии творят что хотят. Мне приходится отменять часто их решения, но они ходят к вице-президенту, докладывают, и тот уже дает распоряжения^а.

Лихачев, страстный защитник отечественной культуры, прекрасный организатор науки, в годы перестройки возглавил СФК. Многие вопросы, которые нужно было решать на этом посту, нашли отражение в его обращениях к первым лицам государства — М.С. Горбачеву и Б.Н. Ельцину. Но это почетное и важное начинание стало одним из самых больших разочарований в многотрудной жизни ученого. В этом он признавался в одном из писем Гришунину: «В „Узкое“ мы не поедем: не дают мне покоя дела РФ Культуры. [...] 5 лет потеряны. Столько волнений, загубленного времени, нервов, здоровья!»^б

Многие корреспонденты Лихачева бережно сохраняли *все* его письма, в том числе поздравительные открытки и телеграммы. Дмитрий Сергеевич был человеком внимательным: сохранилось множество его поздравлений с праздниками — с Первым мая, годовщинами Октябрьской революции, юбилеями, присуждением научных званий и правительственных наград, но особенно часто он поздравлял своих друзей и знакомых с Новым годом. Встречаются поздравления с днем ангела (см. поздравление Н.М. Малышевой), со светлым праздником Пасхи (см. поздравление Н.И. Конраду). Лихачеву нравились художественные открытки, он чаще всего выбирал не стандартные поздравительные бланки, а открытки с видами Ленинграда (площадь Стачек, здание ГПБ, Казанский и Исаакиевский соборы и т.п.), Новгорода и других городов, репродукциями картин (А.Г. Венецианова «Крестьянские дети в поле», М.В. Добужинского «Петербург. В ротах Измайловского полка», П.В. Кузнецова «Стрижка баранов», М.Ф. Ларионова «Рыбы на закате», Е.Е. Лансере «Корабль времен Петра I», А. Матисса «Красная комната», В.А. Фаворского — иллюстрация к «Слову о полку Игореве»), воспроизведениями исторических документов («Воинский артикул 1714 г. с собственноручной правкой Петра I», письмо П.И. Чайковского к А.П. Чехову от 20 октября 1889 г. из собрания ГБЛ) и др. Текст поздравлений Дмитрия Сергеевича, как правило, краток и лаконичен, для публикации были выбраны те, в которых кроме традиционных поздравлений и пожеланий есть еще и какие-либо значимые слова и добавления.

«Выразить себя и свое» (как писал Лихачев Шаламову)^с, запечатлеть не только свою эпоху, но и времена давно прошедшие в полной мере удалось Дмитрию Сергеевичу — в научных монографиях, статьях, публикациях древнерусских памятников, воспоминаниях... Определенное место в этом ряду предстоит

^а С. 575 наст. изд.

^б С. 904 наст. изд.

^с С. 667 наст. изд.

занять и эпистолярному наследию ученого, той «маленькой литературе», без которой невозможно проникновение в литературу большую.

* * *

В сборник вошло 896 писем, в том числе 760 писем Лихачева к 149 адресатам, написанных, за редким исключением, со второй половины 1940-х по 1999 год. Книга состоит из трех разделов. Первый, самый большой, раздел включает переписку Лихачева с разными адресатами — с учеными и деятелями культуры. Документы этого раздела расположены по хронологии первого письма каждого публикуемого эпистолярного комплекса. Во второй раздел вошла переписка Лихачева и Гришунина. В третий раздел, «Письма и обращения Д. С. Лихачева по общественным вопросам», вошли обращение Лихачева и Л. А. Дмитриева в ЦК КПСС, письма и обращения Лихачева как председателя правления СФК и примыкающие к ним письма последних лет жизни к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину.

Письма публикуются по нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением авторских стилистических особенностей (например, в письмах В. Б. Шкловского). Сохраняется авторское написание отдельных слов или предложений по старой орфографии («въ крѣщении», «всѣ», «ко святѣи Софіи» и т. д.). Подписи и даты выделяются курсивом.

Как правило, курсивом воспроизводятся все авторские выделения в тексте (подчеркивание, разрядка, выделения другим цветом); подчеркивания и другие выделения, сделанные в письмах Лихачева его корреспондентами, оговариваются в подстрочных примечаниях.

Знаком купюры [...] обозначены сделанные в ряде случаев пропуски (реальные адреса и телефоны и т. п.). В текстах документов сокращения раскрываются в прямых скобках [], общепринятые сокращения не раскрываются. Во вступительных статьях и комментариях используются унифицированные сокращенные названия учреждений, общественных организаций, изданий и т. п., расшифровка которых приведена в списке сокращений.

Усеченные даты в тексте писем дополняются ([19]64 г.), при этом дата письма приводится такой, какая она есть в документе (6.XI.67).

Если письмо не имеет авторской датировки, после архивного шифра оговариваются основания составительской датировки. Делопроизводственные пометы на письмах, как правило, не воспроизводятся, информация о них приводится в тех случаях, когда они являются основанием датировки.

Все приложения к письмам (воспоминания, официальные письма и отзывы) в основном помещены в комментарии. В указателе имен страница с биографической справкой имеет шрифтовое выделение; при первом упоминании лица, переписка с которым воспроизводится в сборнике в дальнейшем, делается отсылочный комментарий к публикуемому эпистолярному комплексу.

В сборнике воспроизводятся фотографии адресатов и корреспондентов Лихачева, а также факсимиле отдельных страниц некоторых документов из фондов РГАЛИ, Архива РАН, ЦГА г. Москвы, ОР РГБ, Научной библиотеки МГУ, Музея МХАТ.

Книга снабжена списками сокращенных слов, адресатов и корреспондентов Лихачева, архивных фондов, документы из которых включены в сборник; хронологическим указателем писем и указателем имен.

Авторский коллектив благодарит сотрудников Архива Президента РФ, Фонда им. Д.С. Лихачева, РГАНИ, ЦГА гор. Москвы, ГАВО, ОР РГБ, ОР РНБ, Архива ДРЗ им. А.И. Солженицына, Музея МХАТ, Научной библиотеки МГУ; лично Л.М. Бабаеву, Л.Н. Бодрову, Г.М. Малинину, А.И. Орлова-Сокольского, И.Л. Решетникову, О.В. Турбину (РГАЛИ), О.Б. Бокареву, В.Г. Бухерта, Н.М. Осипову (Архив РАН), М.К. Кустову (ЦГА г. Москвы), М.А. Котенко, В.В. Леонидова, И.Е. Розанову (ДРЗ им. А.И. Солженицына), Е.А. Конюхова (Музей МХАТ), С.А. Ипатову, М.В. Рождественскую (ИРЛИ), Е.В. Иванову, Н.В. Корниенко, А.Л. Налепина (ИМЛИ), С.Г. Нелиповича (ИРИ), М.А. Робинсона (Институт славяноведения), В.Ю. Афиани, Д.М. Фельдмана (РГГУ), О.К. Землякову (РФК), Т.И. Алякину (РГБ), И.Н. Тишину (ГПИБ), Н.М. Тищенко (Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова), Г.С. Ланцузскую (Зональная научная библиотека Воронежского государственного университета), Т.В. Генде-Роте, оказавших неоценимую помощь при составлении и комментировании книги.

Мы особенно признательны Вере Сергеевне Тольц-Зилитинкевич за поддержку издания.

Е.В. Бронникова, Т.Л. Латылова